

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

Как обычно, во второй половине июня, когда ёщё не очень жарко на юге, я пристел на свой любимый овениный легендами остров Крит. Температура воздуха находилась в отметках плюс двадцать шесть — двадцать восемь градусов, зато море прогрелось уже до двадцати шести — самая благоприятная температура для купания. Едва устроившись в отеле, я побежал на берег, к шести часам вечера большей частью уже пустеющий. Посмотрев вокруг, подумал: «Тем и лучше, никто не будет мешать очередному свиданию с морем...»

Конечно, сразу же захотелось, не раздумывая ни секунды, с высокой, отвесной скалы, броситься с головой в пучину, но не сиганул... Дело в том, что первый, несколько лет своей новой московской жизни — из-за огромного объёма работы, а точнее сказать, жестокой, дохлившей до крови борьбы, связанной со спасением крох, оставшихся в вине горе-распорядителей от некогда богатейшей писательской собственности, и свалившейся на меня, как накопившийся за зиму на крыше плотный, подтаявший снизу ворох снега, — я, чтобы находиться в хорошем физическом и психологическом состоянии, вынужден был после работы ежевечерне плавать в бассейне безостановочно своим любимым стилем — брасом — полтора, а то и два часа! Это, в конце концов, привело к тому, что организм стал остро реагировать на хлорку: буквально через пять-шесть минут плавания горло начинало до боли драт, из глаз лилился потоком слёзы, а нос заложивало напрочь! Поэтому-то эта аллергическая реакция организма распространялась и на солёную морскую воду.

Поэтому я только забрёл по колено в гривастую волну, лениво, как бы уставши набегающую на скалистый берег, зачерпнул обеими ладонями пенистую воды, омыл лицо, и, вдохнув-выдохнув всей грудью, солнёный, пахнущий йодом воздух, обрашиваясь к морю, скорее прошептал, чем сказал в полный голос:

«Ну, здравствуй, моё родное! Извини, что не могу, отдавшись тебе душой, отаться всем телом. Но ты знаешь почему, и, надеюсь, снова простишь меня, так же, как я в своё время простишь тебе... Но, как говорится, кто старое помянет, тому глаз вон! А в этот приезд хочу, как всегда, одного: чтобы ты оставалась благословленным к моему литературному творчеству: пусть стихи, эссе и рассказы льются из моей души, как из рога изобилия!»

Утром, несмотря на то, что первые лучи раскаленного золотого солнца только начинали озарять море, сладкоголосое пение местных птиц и лёгкое поскрипывание цикад уже заполнило сад и черезставленные на ночь открытые двери невидимыми волнами вливалось в комнату... Но я уже не спал. И как человек, признающий только активный отдых, мысленно прокладывал маршрут своего путешествия по горам...

После завтрака я оделся по-погоде: в лёгкие, но крепкой подшофе серого цвета сандалии, в серые бриджи, в белую, из чистого хлопка рубашку с короткими рукавами, а на голову надел парусиновую кепку с широким козырьком, чтобы высокое горное солнце не спелило глаза... Захватил на всякий случай блокнот с шариковой ручкой и отправился в свой нелёгкий горный путь.

Но едва поднялся на первый лобастый пригорок, как зазвонил мобильник. «Вот, чёрт, и его по привычке сунут в карман!» — сердясь на самого себя, подумал я, но на звонок спокойно ответил:

— Алло! Я слушаю вас.

— Иван Иванович, это вы? — волнился приятный женский голос.

— Да! — утвердительно сказал я.

На том конец провода, убедившись, что говорят с нужным человеком, продолжили:

— Это вас,уважаемый Иван Иванович, беспокоит информационная программа государственно телеканала... Нам бы очень хотелось задать вам несколько вопросов.

— В отношении чего? — спросил я.

— В отношении той ситуации, можно сказать, конфликта, который разгорелся в подведомственном Литфонду Доме творчества...

— Знаете, я как директор Литфонда никаких существенных проблем, достойных внимания государственно телеканала... в Доме творчества не вижу. Да и потом в настоящее время нахожусь в отпуске!

— Ну, хоть несколько минуток уделите, это же в ваших интересах! — настаивал приятный женский голос.

«Каких моих интересах?» — недоумевал я, но разговор продолжил:

— Дело не в том, что не могу или не хочу общаться с прессой, а в том, что нахожусь в отпуске —

Творчество выдающегося русского поэта, автора целого ряда литературных премий и многих книг стихов Ивана Переверзина, недавно отметившего свои 60-летний юбилей, хорошо знакомо не только жителям России, но и зарубежных государств — переводы его стихов вышли и выходят отдельными изданиями в Армении, Грузии, Болгарии, Украине, Азербайджане, Германии и других странах. Сегодня же мы впервые представляем Ивана Ивановича как прозаика — автора рассказов и художественных миниатюр.

далеко за границей.
— А где именно, не уточните?
— Уточните, на Крите.
— Ну и прекрасно! Наша съёмочная группа в полном составе к вам и на Крите вмч привлечёт!
— Это почти за две тысячи километров?

— Ну и что?! Давайте только уточним время встречи и отель, в котором вы остановились, — не унимался женский голос.

Я прекрасно знал всё, что происходит в Доме творчества, а вернее, ничего не происходит, кроме нормальной, из года в года повторяющейся ответственной работы по организации отдыха писателей России, но из-за настойчивости приятного женского голоса понял, что на меня поступил уже и не вспомнить какой по счёту заказ. Заказ, без всякого сомнения, от одних и тех же, как и во всех прежних случаях, бессовестных, наглых, уверенных, что им всё простишись, властей предержащих. И надо же, «уважаемая» программа готова сломя голову лететь чуть ли не на край света, ей самой непонятно зачем, по чужой указке. При этом нисколько не считаясь с использованием не по назначению огромных денег налогоплательщиков — народа российского, людей, чьи вынужденных работать без выходных на трёх, а то и четырёх работах, чтобы хоть как-то свести концы с концами в безумье дикого бесчеловечного рынка, куда, как завшившего щенка, бросили так называемые перестройщики и реформаторы.

«Господи! — стал думать я. — Если государственная программа, обзианная доносила до своего настоящего хозяина — народа — правду и только утробо обо всех событиях, да и просто о жизни как такой, о нашей непростой российской действительности, пускается во все тяжкие (а в случае со мной — в клевету, подтасовку фактов) с одной, как ни горько говорить, ставшей почти привычной целью: закончить всё никак не кончающимся переделом собственности не в пользу законных хозяев, а в пользу тех, у кого грязные, добывшие нечестивым способом деньги и продажные связи; то где же искать правду, я знаю, что...

Вернувшись в Москву, я сразу же позвонил в информационную программу государственного телевидения. Всё тот же, опять ставший приятным женским голосом ответил:

— Вам как?

— Наверное, вас — сказал я и добавил: — Если помните, то в нашем разговоре по телефону я обещал сразу же по возвращении из отпуска дать вашей программе интервью. И держу свой слово, я готов к встрече.

Уже не стакан воодушевлением, как в первый раз, однако вновь почти ставший приятным женским голос по-деловому спросил:

— Извините, пожалуйста, не знаю, как лично вы, а я с семи лет сам одевал и кормил себя на деньги, заработанные в совхозе на капустном и картофельном полях, где, не разгибая спины, сажаешь и сажаешь по десять часов кряду. В конюшне с лошадьми, которых надо, прежде чем пускать в работу, обездыть, при этом — чего греха тайти! — по неосторожности, рухнув с лошади наземь, расшибаешь, до крови лица или того хуже — ломаешь ногу. На скотном дворе, где весь рабочий ненормированный день, растягивающийся порой на десять-двенадцать часов, стоит мат-переврат скотников, а бедные дюроки в зоне и в мороз, с пяти часов утра и до позднего вечера не отходят от коров. А это значит, что я по своему трудовому опыту знаю истинную цену рубля. Ваша же готовность для выполнения заказа, лишённого всякой человеческой морали, меня оскорбляет! Поэтому должен вам отказать в немедленном интервью. Но даю честное слово, что сразу по возвращении я отвечу на все интересующие вопросы, если, конечно, к тому времени они не потерпят для программы свою актуальность.

Выключив телефон, посмотрел на часы и понял, что времени до назначенной встречи — только на дорогу. Быстро одевшись, я вышел из дома. На улице стояла совсем не московская погода. Вместо обычных в конце июня двадцати-двадцати пяти градусов тепла, ртутный столбик моего домашнего термометра взлетел аж до отметки в тридцать два градуса и медленно, но упрямо продолжал двигаться вверх. Зной был транспортирован с юга и потому, что в бездонном небе не оказалось ни облачка, ветер, с утра было подувший с запада, к обеду совершился стих, и солнце, раскалившись докрасна, не встречало на пути своих сплетниц, жарких лучей никакой преграды.

Хотя и привыкший к быстрой ходьбе, я довольно скоро устал от жары, и память невольно вернула меня к только что проповеданным двум неделям отпуска в благодатном, прекрасном Эгейском море, где тридцатиградусный зной пытался только до второй половины дня, а потом уступал место прохладе, усиливавшейся с налетающим с моря, мягким, шелковистым бризом. А ближе к ночи температура вообще падала до восемнадцати градусов тепла, что позволяло обходиться без кондиционера. Часто я на ночь открывал настекль дверь на балкон и, прекрасно выпавши, пребудился под птичьи пение и весёлую стрекотню цикад. Красота — и только!

Поглощённый воспоминаниями, я даже не заметил, как пришёл к станции метро. Посмотрев по сторонам, увидел в десяти метрах от себя припаркованный у бордюра автомобиль «газель» с логотипом телекомпании на дверцах. Махнул рукой. Тут же машины вышли троє мужчин. Пока они подходили, я смог разглядеть их. Шедший впереди с папкой в руках был человеком сорокалетним, с детства к тяжёлым нагрузкам, я только утирал лёгкую испарину со лба и упорно продолжал свою путь наверх! Время от времени останавливалась на минутку, любовался открывающимся во всей своей неповторимой красоте морским пейзажем с гравитными чёрно-голубого цвета волнами, с прибоем, с грохотом ударяющими в отполированную поверхность.

«Вот и хорошо! — подумал я и продолжил свой путь к вершине... С каждым метром тропка, проторенная между огромных камней и скал, уводила всё выше и выше. Солнце на почты беззабочном, пронзительно синего цвета не брезговало воздуху до едва видимого, колеблющегося марева. Но, привыкший

к детству с тяжёлым нагружением, я только утирал лёгкую испарину со лба и упорно продолжал свою путь наверх! Время от времени останавливалась на минутку, любовался открывающимся во всей своей неповторимой красоте морским пейзажем с гравитными чёрно-голубого цвета волнами, с прибоем, с грохотом ударяющими в отполированную поверхность.

«Согласен, нельзя! Но он есть, как

точно вы подметили, мерзавец и подлец!

Неудавшийся поэт, он, тем не менее,

на прозападной волне охвачивания

всего советского сделал себе сомнительное имя борца за демократию в жалких повестушках. Но если вчитаться

вым нравоучениям мнение. Избил так, что бедная женщина с сотрясением головного мозга и многочисленными ушибами вынуждена была нескользко недель провести на больничной койке... Естественно, на эту вопиющую немужскую выходку мерзавца не мог не отреагировать: устно и печально заклеймил позором этого, как вы выражались, «классика современности».

За всё время довольно длительного монолога журналист меня ни разу не перебил. Но едва я замолчал, тотчас спросил:

— Так, по-вашему, выходит, что все эти троє писателей не классики?

Как очень часто делают мои друзья-евреи, у которых многому чему мудрому учусь, я на вопрос ответил вопросом:

— А вы, пожалуйста, назовите мне хотя бы по одному произведению каждого из них, которое по художественной ценности и реалистической силе можно было бы поставить в один ряд с... Ну, для примера не будем брати гениев, таких как Маяковский, Булгаков и Шолохов, а возьмём настоящих, бесспорных классиков: Бориса Можаева с корневым романом «Муки и бабы», Михаила Алексеева с его воинистичным шедевром «Ившук неплакучая», Валентина Распутина с прекрасным произведением «Прошанская с Матёром», Александра Твардовского с бессмертной поэмой «Иван Тёркин», Иосифа Бродского, в конце концов...

Журналист замолчал, и молчал на удивление довольно долго, силья припомнить хоть что-то из произведений так называемых классиков, что я вынужден был констатировать:

— Вот видите, так сходу вы и не в силах называть даже одной по-настоящему литературной вещи. Не отпечатались они в вашем сознании, да, уверен, и в сознании других. А это верный признак их ненародности. И значит, ни о каком классицизме вообще не может быть речи в отношении ваших протеже! Даайте перейдём к интервью, тем более что ваши помощники, как мне кажется, шико устали от наших разговоров...

Оператор включил телекамеру, другой сотрудник поднёс микрофон, журналист задал первый вопрос — и работа закипела! В течение часа я честно и исчерпывающе ответил на все, в том числе и каверзные, вопросы. И оказался — упрекать меня было не в чём.

После того как телекамера была выключена, микрофон убран, журналист на прощание сказал:

— Иван Иванович, я лично убедился в вашей правоте. Мужество и воли вам не занимать, стойте на своём — и у вас всё получится... Всего хорошего!

— И вам удачи! — ответил я. И пошёл по своим делам, которых как всегда было хоть отбавляй. Главное из них, безусловно, — служение литературе во главе авторитетнейшей во всём мире писательской организации, у истоков которой стоял классик всех классиков Максим Горький. А другой классик, самый человечный из всех писателей двадцатого и двадцать первого веков, незабвенный Сергей Михалков лично благословил меня на высокое литературное служение. И с тех пор для меня главное не то, что я напишу, а что напишут мои собратья по литературному цеху. И денно и нощно молю Бога помочь набраться побольше животворящих сил для того, чтобы как можно скорее у нас появились новые пушкины, некрасовы, есенины, толстые, достоевские, беловы, бандаревы...

К вечеру подул освежающий северный ветер, небо затянули перистые облака, подсвеченные снизу малиново-красным закатным светом. Дышать стало легче. В разогретой дневным зноем голове мысли потекли увереннее, полноводнее, как вырвавшаяся на равнинный простор из тесного, глубокого горного ущелья речка. Как будто голос выше сказывал: «Я, понимаю, как горячо ты бывает трудно, может быть даже невыносимо — до слёз! Но на этот жизненный путь, чаще приносящий горести, чем радости, ты согласился сам не для того же, чтобы однажды упасть с него в пропасть бесславия. Хотя, что для тебя слава? Шум, суета, которые ты как не любишь. Но ты любишь всем сердцем жизнь, вот и делай её ещё интересней и прекрасней!»

Но свою угрозу информационная программа в отношении меня всё же выполнила — предваряя интервью, ведущий нагло сорвал:

— Директор Литфонда очень длительное время скрывалась от наших собственных корреспондентов, и только когда почувствовала, что запахло жареным, дал интервью.

О каком «жареном» брякнул ведущий, я спустя год так и не могу понять. Почему? Да потому, что ничего «жареного» для телевизионного заказа в природе не существует и не может существовать, за исключением самого позорного заказа. Не знаю, поняли ли зритель что-нибудь в широком анонсированной передаче, но лично я — ничего не понял. Стоило ли городить? Позориться в глазах всего мира... Неужели заказчики подобных пустых, никому, кроме них самих, ненужных сюжетов в преступной жажде поживиться за счёт чужого добра опустились так низко, что потеряли последнюю совесть? Или они её вообще не имели? Тем хуже для них — Боженька высоко сидит, всё видит. И рано или поздно, но воздастся всем по делам их...